

стадии наступает полная (долгосрочная) адаптация. Этому этапу соответствуют стабильные изменения индивида в ответ на требования среды.

Информирование и инструктаж о происходящем с человеком позволяет сделать процесс адаптации менее болезненным.

Таким образом, проведенный анализ ситуаций наличия неизлечимого заболевания и миграции, позволяет нам выделить в обеспечения психологической безопасности личности информационную составляющую (знание и понимание того, что происходит с человеком), эмоциональную составляющую (процесс переживания и постепенная адаптация) и поведенческую составляющую (способы адаптации к происходящему и сохранение внутренней и межличностной гармонии при взаимодействии с другими людьми).

А.В. Чевардин

Екатеринбург

О ВОСПОМИНАНИЯХ ГРАЖДАН ПОЛЬШИ, ИНТЕРНИРОВАННЫХ В СВЕРДЛОВСКУЮ ОБЛАСТЬ В 1945 ГОДУ

Многие современные польские историки трактуют освобождение польских земель советскими войсками от немцев как новую оккупацию. Они аргументируют свою точку зрения многочисленными фактами репрессий местного населения. Приводится число репрессированных «советами» поляков в 1944 – 1945 гг. – примерно 40 000 человек¹⁰⁴⁸. Встречаются и более внушительные цифры. Среди доказательств подчинения Польши Москве историки приводят судьбу воинов Армии Крайовой, сражавшихся против Гитлера, но «предательски» обезоруженных и отправленных в Сибирь, чтобы не мешать строить социализм на берегах Вислы.

Российский взгляд на этот вопрос не претерпел серьезных изменений со времен советской эпохи. Считается, что советская армия делала с участниками польского сопротивления то, что, к примеру, делали в то же самое время американцы и англичане с французскими партизанами. А когда некоторые члены Армии Крайовой стали «стрелять в спяных» советским солдатам, их арестовывали и направляли в лагеря. Известно, что в 1944 – 1948 гг. около тысячи советских солдат и офицеров погибло от рук польских «вооруженных бандитов»¹⁰⁴⁹.

Аресты пособников режима Гитлера – вполне законное и логичное действие советских властей на контролируемых советской армией территориях: «Изъятие оружия у гражданского населения, разоружение бойцов антигитлеровского сопротивления, в случае необходимости подавление любого противодействия силой – все это законы войны и средства обеспечения спокойной оперативной обстановки в прифронтовой полосе»¹⁰⁵⁰.

Большую ценность, как для понимания процессов, происходивших в Польше в 1944 – 1945 гг., так и для исследования жизни интернированных польских граждан на Урале в 1945 – 1947 гг., представляют воспоминания поляков, переживших на себе «прогулку в край белых медведей».

В городе Соколув Подляски в 2001 г. вышла книга Генрика Росохацкого «Сибиряки. История жителей повята Соколув Подляски, а также членов отделения Союза сибиряков в Соколове Подляским, высланных в Сибирь в XIX в. и заключенных в лагеря НКВД в 1944 – 1959 гг.»¹⁰⁵¹. В книге приведены воспоминания около 100 чел.

¹⁰⁴⁸ Litynski E. Ukarañi za niepopelniony winy. Stronno, "MAX", 2001.S.36.

¹⁰⁴⁹ Валихновский Т. У истоков борьбы с реакционным подпольем в польше. 1944-1948. Киев, «Наукова думка», 1984.С.30.

¹⁰⁵⁰ Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944-1945. М.-Новосибирск, 2001.С.18 (сноска).

¹⁰⁵¹ Rosochacki H. Sybiracy. Historia mieszańców powiatu Sokołów Podlaski oraz członków Oddziału Związku Sybiraków w Sokołowie Podlaskim zesłanych na Sybir w XIX w. i uwięzionych w obozach NKWD w latach 1944-1959. Sokołów Podlaski, 2001.S.105.

Самой ценной стороной этой книги по праву можно назвать собранные автором воспоминания людей, часть молодости которых прошла на Урале, в районе Сосьвы и Верхотурья. Подавляющее большинство из них – уроженцы и жители небольших польских деревень повята Соколув Подляски, арестованные в Польше в 1944 – в начале 1945 гг.

После освобождения Польши от немецкой оккупации новая власть стала наводить в стране свой порядок. В этом деле активную роль играли советская армия и НКВД. По договоренностям с польским правительством, советские вооруженные силы пользовались правом устанавливать «справедливый порядок» в тылах своего фронта. «При этом понятие «тылы» подчас толковались, как справедливо считают польские исследователи, произвольно и неопределенно широко»¹⁰⁵².

В данных условиях специальные группы прочесывали деревни для задержания людей, которые могли стать противниками советской власти. Особое внимание уделялось так называемым аковцам – воинам Армии Крайовой, подчинявшимся польскому правительству в Лондоне. Солдаты и офицеры Армии Крайовой за долгие годы немецкой оккупации прошли прекрасную школу подпольной деятельности и могли реально помешать польским коммунистам в создании новой Польши.

После задержания арестованные обычно попадали в подвалы дома польской службы безопасности (СБ) в городе Соколув-Подляски. Затем направлялись в лагерь НКВД № 10 в Рембертове, где подготавливался контингент к отправке на восток. Сам лагерь был создан на территории польского оборонного завода «Сняряд». В цехах поставили трехэтажные нары из голых досок. В лагерь также свозили немцев, фольксдойче, украинских националистов, бывших советских военнопленных, русских эмигрантов, уехавших из России после революции. К середине марта в лагере находилось около 1 900 чел.

Подготовка лагеря к транспортировке началась 20 марта 1945 г. Из Варшавы привезли парикмахеров для того, чтобы постричь и побрить узников. После подстрижки заключенных лагеря направляли в душевые, находившиеся в товарном вагоне, и на обработку одежды от насекомых. 25 марта 1945 г. эшелон с примерно 1,5 тыс. арестованных поляков вышел из Рембертова и направился на Урал.

На место назначения эшелон прибыл 19 апреля 1945 г.: «По прибытию на Урал солдаты НКВД с собаками окружили эшелон. Каждый, прыгая (из вагона – А.Ч.) падал на землю. Трясаясь, медленно вставал» (Юзеф Реминевский). Поляков поместили в нескольких лагерях на небольшом расстоянии от станции Сосьва, а некоторых – в районе Верхотурья. Впоследствии Стефан Базильчук благодаря случаю узнал, что во время транспортировки поляков из Рембертова на Урал погибло 219 чел.

Женщин высадили на станции Верхотурье и распределили по разным лагерям. Анна Залеская, к примеру, успела побывать в трех лагерях: Березовка, Черная речка и Ступино.

В Свердловской области основным местом пребывания интернированных поляков в 1945 г. были лагеря Кошай I и Кошай II: «Лагерь был окружен забором трехметровой высоты, доска к доске. На двух углах стояли вышки... Наши бараки – это деревянные сооружения, облепленные глиной с обеих сторон, в центре была печь... Когда топили, было очень жарко, а когда переставали – страшно холодно. С обеих сторон барака и в середине стояли двухэтажные нары с голыми досками»¹⁰⁵³.

О жизни в лагере Камай II подробно рассказывает Казимир Коваль: «В отношении узников лагеря существовали следующие категории здоровья: I, II, III, ОК и дистрофия. ОК – это человек, отправляемый и на работу, и в больницу. Это были сильно истощенные,

¹⁰⁵² Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа.

Становление политических режимов советского типа. 1949-1953. Очерки истории. М., «Росспэн», 2002. С. 72.

¹⁰⁵³ Rosochacki H. Sybiracy. Historia mieszkalców powiatu Sokołów Podlaski oraz członków Oddziału Związku Sybiraków w Sokołowie Podlaskim zesłanych na Sybir w XIX w. i uwięzionych w obozach NKWD w latach 1944-1959. Sokołów Podlaski, 2001. S. 77-79.

ослабленные, едва держащиеся на ногах люди. Они оставались на территории лагеря на 2 – 3 недели. Дистрофиков все считали ходячими трупами: они жили отдельно, получали лучше питание. От категории зависели нормы выработки. На первую категорию была норма, например, шпал – 12 куб.м, на вторую категорию – 6-7 куб.м, на третью категорию – 3,5 куб.м. За невыполнение нормы наказывали ограничением порции супа на завтрак и ужин, а также уменьшением порции хлеба. Категорию определяли каждый месяц комендант и врач лагеря»¹⁰⁵⁴.

Работали узники под строжайшим контролем. «Лес был пересечен прямыми просеками шириной около 10 метров. На углах просек стояли вышки, на которых сидели бойцы. Стреляли в любого без предупреждения. «Иногда дерево при рубке падало на зону, и тогда работа становилась опасной, и мы не могли выработать нормы»¹⁰⁵⁵. «Обеды готовил один повар в лесу. Супа нам давали по 600 грамм, который мы заправляли сорванными листьями с деревьев, чтобы было сытнее».

Отсутствие мыла и других гигиенических средств приводило к тому, что люди испытывали постоянный дискомфорт от вшей и клопов: «Больше всего хотелось чесаться. Во время работы в лесу мы чесались о деревья подобно зверям». Летом 1945 г., в день приезда в лагерь Капай II специальной комиссии, один поляк перед советскими офицерами оторвал доску в бараке и стукнул о землю: «клопы полетели как зерна».

Практически каждый из тех, кто рассказывает о своей жизни в лагере, сильно болел или был на грани смерти. Обычно болезни были связаны с обморожениями, простудой, голодом, травмами на работе.

Все люди, пережившие ссылку на Урал, сходятся во мнении, что лучше всего условия для жизни были в лагере Капай I, а хуже всего в Пост I – где свирепствовали «голод и грязь». Многие зависело и от начальства лагеря. Степан Смоляк рассказывает, что поляки устраивали голодовку на севере области, и никто этого даже не заметил. Но когда его вместе с другими перевели в другой лагерь, под городом Свердловск, то здесь к голодовке отнеслись со вниманием. Приехала целая комиссия. В итоге, все повара лагеря были вывезены в неизвестном направлении.

Сначала к полякам администрация относилась плохо, «как к немцам», но затем ситуация немного улучшилась: стали чуть лучше кормить, часто приезжали советские офицеры с проверкой: интересовались как живут интернированные.

Как это не странно, но отношение к русским у большинства опрошенных Генрихом Росохацким либо нейтральное, а у некоторых даже немного положительное. Рассказывает Ежи Гурский: «Работали мы в лесу. Заходим в лес, и я говорю – ребята, сегодня праздник, а мы мучаемся, с голоду умираем. Поплакали мы втроем. Вдруг смотрим – идет русский. Я схватился за топор, они – за пилу. А тот русский идет прямо на меня и спрашивает – почему ты плачешь. Я ему все то, о чем с коллегами говорили, рассказал. Уселись мы на дерево, а он нам говорит – не плачьте, я слышал, что скоро будет транспорт в Польшу. Вдруг встал, хлопнул руками и говорит – мне тоже только восемь лет осталось, так как я уже здесь двенадцать лет сижу. И заплакал вместе с нами»¹⁰⁵⁶.

А Юзеф Белинский тепло вспоминает русскую девушку, которая ухаживала за ним в избе для больных: «Похоже, я ей понравился. Спрашивала, холостой ли я. Я отвечал, что да, что поженимся и поедем в Польшу. Она говорила «хорошо». Длилось это недолго. Меня определили в бригаду, дали коня, и я возил дерево на телеге»¹⁰⁵⁷.

Русские заключенные, сидевшие вместе с поляками, часто помогали им выжить. Однажды их вместе заставили сажать картофель: «Был добрый крестьянин – мастер, ему во время ссылки пришел приговор – дали 16 лет. Он нам сказал, что как будете сажать, то в одно место всегда сыпьте несколько картофелин. Как картофель начнет расти, то тогда

¹⁰⁵⁴ Указ.соч. С.92.

¹⁰⁵⁵ Указ.соч. С.134.

¹⁰⁵⁶ Указ.соч. С.85.

¹⁰⁵⁷ Указ.соч. С.75.

можно выкопать и безопасно пронести в лагерь, потому что у ворот уже не будет проверок. И так приносили мы по несколько штук и раздавали другим»¹⁰⁵⁸.

Лишь три человека явно негативно относятся к русским. В своих воспоминаниях они используют нецензурную брань, выученную в советских лагерях, применяют по отношению к русским некрасивые эпитеты, акцентируют внимание на негативных чертах русского национального характера.

Для большинства поляков, попавших в лагерь, освобождение наступило уже через 5 месяцев после приезда на Урал. В августе 1945 г. они выехали обратно в Польшу. «Вывесли стол на плац. Назвали мое имя и фамилию, и нужно было сказать отчество. На следующий день нас не брали на работы. Было приказано умыться и побриться. Но было нечем, и пришлось это делать перочинным ножом. Вывезли нас на Кошай, где дали чай, хлеба и немного сахара. С Кошай нас доставили до реки Сосьва, которую переплыли на пароме. После посадки в вагоны комендант эшелона спросил, хотим ли мы, чтобы один раз есть горячее и быстрее ехать или два раза есть, но ехать медленнее. Тогда все сказали, что один раз и быстрее ехать».

Витольд Кисель, проводивший в уральской тайге 2 года и 10 месяцев, считает самым трудным моментом своего пребывания на Урале, «когда другие уезжали на родину, а тебе надо идти на работу в лес». Большинство оставшихся познакомилось с новыми уральскими лагерями: Пост 1, Ступино, Березовка, Боровлянка, Черная речка, Худяково.

Оставшаяся на Урале часть интернированных поляков возвратились на родину либо в начале 1946 г., либо осенью 1947 г. Из воспоминаний Франчишка Балковца: «Не забуду нашего отъезда из лагеря. Были с нами отец и сын из Лодзи. Сыну, родившемуся в Лодзи, позволили выехать, а отец, родившийся в Пинске, «как гражданин СССР» был задержан. Во время их прощания плакал весь лагерь»¹⁰⁵⁹.

Если касаться статистики, то всего Генрихом Росохацким было собрано 66 свидетельств интернированных в 1945 г. поляков, находившихся именно на территории Свердловской области. Воспоминания были собраны в 1994 – 1999 гг. Из опрошенных только 10 чел. принадлежали к Армии Крайовой. Подавляющее число интернированных было обычными крестьянами. 45 чел. вернулось из Свердловской области на родину в августе 1945 г., один – в январе 1946 г., еще 19 чел. – в ноябре 1947 г. Один погиб на лесоповале. О нем информацию предоставили родственники.

Вторая мировая война оставила незаживающие шрамы в памяти многих европейских народов. Польский народ, как и советский, за время военных действий понес колоссальные потери. Советская армия освободила Польшу от немецкого фашизма, спасла поляков от тотального уничтожения, предусмотренного планом «Ост». Однако, вместе с тем, Советский Союз навязал населению этой страны режим, мягко сказать, не пользующийся популярностью. Грубыми и жесткими мерами СССР и просоветское правительство Польши не допустили разжигания гражданской войны, но, при этом, искалечили судьбы многих людей. И, нужно признать, отголоски тех событий до сих пор омрачают современные российско-польские отношения.

С конца 1944 г. на коренных польских территориях начинается настоящая охота на противников просоветской Польши. Хотя, следует признать, что зачастую сами бойцы польского подполья провоцировали власть на жесткие меры, убивая коммунистов, советских солдат, евреев, других мирных жителей, лояльно настроенных по отношению к Польской рабочей партии.

Люди, подозревавшиеся в антиправительственной деятельности, арестовывались и вывозились в лагерь на территории СССР, в том числе и на Урал. Очень часто, даже лояльные новому режиму люди, оказывались оторванными от семьи и своих близких.

¹⁰⁵⁸ Указ.соч. С.76.

¹⁰⁵⁹ Указ.соч. С.71.

Судя по воспоминаниям интернированных поляков, их пребывание на Урале мало чем отличалось от жизни немецких военнопленных: те же лагеря, колючая проволока, охрана, бараки, отсутствие гигиены, каждодневный тяжелый физический труд.

Большинство прибывших на Урал интернированных поляков страдало от холода, голода, производственных травм. Некоторые сходили с ума на почве тяжелой эмоциональной и физической нагрузки. Даже те, кто впоследствии благополучно вернулись на родину, всю оставшуюся жизнь страдали от болезней, приобретенных в уральских лагерях.

Самому польскому правительству было невыгодно усиление и расширение репрессий в Польше, так как это могло еще больше поднять протест против просоветского режима. Поэтому вскоре Варшава просит Москву вернуть интернированных обратно. И уже в августе 1945 г. часть репрессированных поляков была доставлена на родину. В конечном итоге, к концу 1947 г. репатриация данного контингента лиц с Урала была завершена.

Никто не отрицает участие советской стороны в репрессиях по отношению к польским гражданам в 1944 – 1945 гг. Однако не меньшая вина лежит и на поляках, поддерживавших Польскую рабочую партию, вступивших в службу безопасности, в составе Войска Польского отлавливавших членов антисоветского подполья в лесах и деревнях. Некоторые польские коммунисты и функционеры сами были инициаторами новых арестов.

Франчишек Горчица рассказывает, что группу арестованных лиц, подозреваемых в сотрудничестве с Армией Крайовой, в которой он находился, поляки три или четыре раза привозили к воротам лагеря Рембертув, чтобы сдать «советам». Но русские их не брали, так как не было никаких документов, доказывающих их вину. В конце концов, он на полгода все же оказался на Урале.

Свой рассказ Франчишек Горчица завершил следующими словами: «Голод, солнце, дождь, мороз, голые и твердые доски, на которых я спал, делали мое пребывание в лагере одной большой неделей, созданной нашими же братьями-поляками, которые ради карьеры и выгодных должностей продавали нас тогда советам»¹⁰⁶⁰.

А.В. Черемисина
Екатеринбург

К ВОПРОСУ О ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВО ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ

В середине XVI в. немецкий естествоиспытатель Георгиус Агрикола пишет «Двенадцать книг о металлах» (G.Agricola «De Re Metallica»). В этой работе он обобщает многовековой опыт извлечения металлов из руд, дает полное и систематическое описание всего комплекса операций горно-металлургического производства. Труд Агриколы отличается богатством содержанием, точностью и наглядностью изложения. Он содержит 275 гравюр, на которых изображены устройства для промывки речных песков, применявшиеся золотойскаателями средневековой Европы, технологические схемы выплавки меди и железа с использованием дров в специальных ямах, различные механизмы спуска горняков в шахты, схемы рудных жил в горах Саксонии. Книга Агриколы более двух веков являлась главным руководством по технике горного дела и металлургии, и вдохновила многих специалистов на проведение исследований в области истории металлургии.

Так, известный французский геолог и минералог Жан-Этьен Геттар издает в 1779 г. книгу «Записки по минералогии региона Дофине»¹⁰⁶¹.

¹⁰⁶⁰ Указ.соч. С.83.

¹⁰⁶¹ J-E Guettard «Memoires sur la mineralogie du Dauphine». Paris.1779.